

АНТОН ШИХАНОВ
МИМИКРИЯ

Антон Шиханов

Мимикрия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11642094

ISBN 9785447421014

Аннотация

Мимикрия – книга о пороках, безрассудстве и жестокости. Любви и ненависти. Религиозный бунт. Добро и зло... Ваш рейс опасен, если в соседнем кресле сидит человек, который возомнил себя богом. Он – зороастрийский дьявол, который вскроет вашу душу до того момента, как лайнер разлетится на куски...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мимикрия

Антон Шиханов

Большинство из нас – это не мы.

Наши мысли – это чужие суждения.

Наша жизнь – мимикрия.

Оскар Уайльд

Иллюстратор Максим Шиханов

© Антон Шиханов, 2017

© Максим Шиханов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-2101-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Я сумасшедший! Я безумен! Да-да-да! Это действительно так! У-ва-ха-хах! Что творится с моим мозгом? Я не могу понять! Где день, где ночь? Мой разум меркнет, я сам меркну. Я не пойму: я ли это, или же это не я? Кто мои родители? Где я родился? Где прошло мое детство? Юность? Зрелые годы? Где я работал? О... это невыносимо... Наверное, следует начать по порядку, чтобы разобраться в себе, во всей этой каше. Так о чем это я? Хм... забыл, ах да? Всё обо мне. Обо мне. Я... как меня звать? Вроде бы Густав. Фамилия? Еще придется вспомнить...

Глава 2

Родился я в Иране, в этой теплой стране, где так много солнца и где небо самое красивое на свете, где солнце – это не просто солнце, а нечто большее, потому что его так много, оно награждает своими лучиками все вокруг. Звезды... звезды по ночам до того прекрасны, небо до того обширно и глубоко, я люблю свою страну, за ее небесный климат, за горы, море и за людей, которые там живут. В общем, что говорить, все равно не поймете... а, может, и поймете... если любите свою родину. Как написано в вестибюлях московского метро, в туннелях эскалаторов, «Любовь к Родине начинается с семьи», это сказал философ Френсис Бэкон, но вот как раз семью я свою не любил. Почему? Вот бы вспомнить? Не помню. Может, придет время, и я вам расскажу это. Правда. Расскажу. Только вспомнить надо. – Густав почесал свой лоб, но тут же отдернул руку от своего лба, посмотрел в зеркало, – вот только, господин следователь, я не узнаю себя в зеркале. Вроде бы это я, и, в тоже время, как будто, это и не я. Забавно, правда?

– Вы, пожалуйста, не отвлекайтесь. Рассказывайте дальше.

– Дальше?

– Да.

– Хорошо. Вам, офицеру итальянской полиции, я готов

рассказать все.

Молодой офицер поморщился: «Угораздило же заниматься всякими любителями поболтать. Я, словно врач, должен отсекал все ненужное и направлять его речь в нужном направлении, чтобы поставить необходимый диагноз. И, словно доктор, по – хорошему, я не имею права на ошибку».

– Здесь у вас тоже тепло. Как тогда, когда я первый раз принял решение покинуть пределы своей страны. Шел... м... не помню какой год, но я приехал не в Россию, а в Советский Союз. Меня привез самолет в их международный аэропорт Шереметьево. Знаете такой? Нет? В Москве находится. У них там вообще-то много аэропортов. Внуково, Быково, Домодедово... Москва большой город. Но международным аэропортом в Советском Союзе был только Шереметьево...

– Зачем вы прилетели в Советский Союз?

– Учиться. В Москве был Авиационный институт, а меня в то время живо интересовала вся техника, да, к тому же в особенности все то, что движется и летает. Если учесть тот факт, что они первые полетели в космос, я справедливо полагал, что и летают и учат строить и летать лучше всех других. К тому же, СССР был относительно близко, Америка, их извечный конкурент был далеко, а во Францию, например, меня бы не отпустила моя семья.

– Почему?

– Потому что мой отец, кстати, не помню совсем его лица, и даже не помню его имени, в молодости побывал в Париже,

и часто повторял мне (вот чудно: совсем не помню его голоса), что Париж – этот город разврата и проституции.

– А что он говорил про Советский Союз?

– Тоже, что и официальная советская пропаганда.

– А что она говорила?

Густав посмотрел на молодого офицера как на недотепу, пожал плечами и с апломбом сказал:

– Что там нет секса.

Офицер сделал какие-то пометки у себя на бумаге. Потом взял пульт от кондиционера и чуть-чуть убавил температуру, так как за окном было слишком жарко.

– Вы не боитесь простыть? – спросил Густав.

– Нет, я каждый день закаляюсь.

– Правда?

– Что значит «правда»? – резко ответил офицер, – вопросы здесь задаю я.

– Фи, как грубо. Вы не в гестапо, и Муссолини – дутый лев, – так пел в Советском Союзе Александр Розенбаум, впрочем, вы все равно такого не знаете. Ведите себя прилично.

Офицер посмотрел на этого человека, которого он допрашивал, с интересом: он никогда еще не видел такого. К тому же, он мало походил на перса. Нет, у него была смуглая кожа, черные волосы, но вот глаза: они были голубые. Где вы встретите перса с голубыми глазами? Он думал, думал и не находил ответа. Хотя, впрочем, он не врач, не исследо-

ватель расовых различий и зачем он всем этим будет забивать голову? Скоро все это закончится, и он пойдет в Парк, а там его ждет его девушка. О, Господи, скорее бы закончился этот день...

Глава 3

Москва ему сразу понравилась: это был красивый город, с ровными улицами, широкими проспектами и большими площадями. Стильные демонстрации, которые устраивались по коммунистическим праздникам, его сильно воодушевляли и радовали глаз.

С языком были некоторые трудности. Однажды, шутка новых русских друзей поставила его в речевой тупик: в продуктовом магазине он попросил продать ему муку, яйца, свежие помидоры, сыр и далее по списку. Продавец, молоденькая девушка, с интересом поинтересовалась у него, что он будет готовить. Он, наученный русскими друзьями заявил, что намерен приготовить им итальянское блюдо на букву «п», при этом употребив русское бранное слово. Девушка закатила глаза наверх. Он повторил это еще несколько раз с завидной громкостью на весь магазин. Его выгнали за хулиганство, и с тех пор он решил овладеть русским в совершенстве, чтобы не попадать в такие ситуации.

Он был дружным и общительным парнем, в друзьях не испытывал недостатка. И благодаря своему общению, русским овладел в совершенстве. Он вспомнил, была перестройка, когда он, влюбился в русскую девушку. Все теплело, железный занавес постепенно падал, нравы упрощались. Суровый папа, лица которого Густав никак не мог вспомнить, вероят-

но, от досады кусал себе локти в Иране: в СССР появился секс.

Кстати, почему все-таки Густав? Густав-Густав... в начале его звали совершенно не так. Было другое имя. Ахмед? Нет. Альфред? Адольф? Тем более нет. Что-то на «а». А-а-а-пчхи! – Густав чихнул и ударился головой об угол кровати. – Точно! Ему будет что сказать завтра этому молодому офицеру из полиции. Амир! Его звали Амир. Что значит... Хм, у всех имен есть какое-то особенно значение. Максимус – величайший, китайцы, например, вообще могут назвать свое чадо каким-нибудь «цветочком». А Амир – не помню.

– Эй, дятел, заткнись уже, а? – крикнул старый плешивый дед, сокамерник. – Ты утомил своим брюзжанием.

– Что? Простите, не знаю итальянского. Do you speak English?

– Fuck you.

Густав помолчал, затем повернулся к деду. Сказал по-английски:

– Так вы меня будете понимать по-английски?

– Нет. Уже луна взошла. Какой еще английский? Что ты там все бормочешь? Ты дашь нам спать?

– А что вы так грубо со мной разговариваете, синьор?

Дед отвернулся к стенке и, положив на голову куртку, с досадой засопел.

– А почему вы мне не отвечаете?

– Что же ты хочешь услышать в ответ?

- Спокойной ночи, например.
- Спокойной ночи.

Глава 4

Мысли блуждали туда-сюда, пока он ждал, когда его снова поведут на допрос. Он не мог сосредоточиться на чем-то одном, хаос заполнял его.

Молодой офицер привычно сидел за столом, кондиционер привычно дул, жалюзи привычно были задернуты. Все было привычно. Густав спокойно вошел и, после разрешения, присел на стул.

– Как провели ночь? – спросил с ехидцей Густав.

– Что? – лицо офицера побагровело.

– Туда-сюда? Тру ля ля?

– Какое еще тру ля ля? – он закашлялся. – Должен вам сообщить, что завтра вы будете проходить психиатрическую экспертизу.

– Хм, вы думаете, я ненормален? Напрасно. Я нормален, просто я многое забыл. Сами понимаете, такое дело.

– Да. Не приведи господь, – офицер набожно перекрестился.

– А где Ватикан? – спросил Густав.

– Н-не знаю, – кашлянув, ответил офицер.

– А что же вы креститесь куда попало?

– Я не мусульманин, чтобы креститься на какую-то определенную сторону света. Тьфу ты, не креститься, а молиться.

– О, а вы разжигаете межконфессиональную рознь. Будь

у меня диктофон, я бы вас записал, и ваше начальство вас бы атата, – Густав ударил себя по пятой точке.

– Молчать! – зло крикнул офицер, в дверь немедленно просунулось голова дежурного, которому он устало махнул рукой, что тот может удалиться.

– Нервы? – заботливо сказал Густав. – Психиатр или невропатолог обязательно помогут. А еще есть различные индийские учения, они прекрасно восстанавливают внутренний тонус.

– Что вы мне тут пургу несете? Какой психиатр? Какой внутренний тонус? Вы что-нибудь вспомнили про себя еще? Что-нибудь важное, а не то, как вы покупали продукты для итальянской пиццы.

– А по-моему, это очень даже важно. Это помогает мне вспомнить кто я, и зачем. Вы, например, можете мне объяснить, кто я?

Офицер отрицательно помотал головой.

– Так что же вы мне говорите, что важно, а что нет?

Офицер устало заерзал на стуле.

– Итак, что вы вспомнили?

– Меня зовут Амир. Точнее, звали Амиром. До того, как я стал Густавом.

– Почему вы стали Густавом?

– Этого я пока не помню.

– Завтра экспертиза выяснит, отъявленный вы симулянт или просто такой непонятный человек.

– А вам бы чего больше хотелось?

– Мне? Да мне все равно. Не вы, так другой. Мне все равно кем-нибудь заниматься.

– Какой вы типичный солдафон, – Густав с сожалением покачал головой.

«О боже, завтра должна поступить бумага о всех тех, кто был на борту. И, надеюсь, будет что-нибудь об этом Амуре. Ну, или Густаве. Потом можно будет пробить по родственникам, и задача немного упростится. Прошло-то всего, – он посмотрел на наручные часы, – девятнадцать часов как его привезли и я первый раз допросил его, а мне кажется, что я знаю его целую вечность. Очень мерзкий тип».

– Не такой уж я и мерзкий, – зря вы все это, – улыбаясь, проговорил Густав.

– Я ничего не говорил вслух, – пожал плечами офицер.

– Зато подумали.

– Что вы еще вспомнили за ночь?

– То, что я не могу ни слова вспомнить по фарси. Это странно, но это факт. Ни одно слово не лезет в голову.

– Амнезия... – пробормотал офицер.

– Возможно, синьор, иначе как объяснить то, что я не могу вспомнить ни слова на родном языке? При всем при этом я прекрасно помню английский и русский.

– Говорят, такое бывает. – офицер подъехал на своем кресле к окошку и посмотрел сквозь жалюзи на улицу, – там красивая девушка проезжала на велосипеде.

– Что, надоел? – спросил Густав.

– Если вам нечего больше сообщить, вас сейчас уведут!

– Подождите. У меня только один вопрос. Почему меня допрашивают вообще? Где здесь состав преступления? Я конечно, не детектив и не криминалист, но вы же обучались, вам должно быть все понятно. Объясните мне?

– На это нет указаний. Вы должны сами все прекрасно понимать, синьор.

Офицер позвонил, вошел конвойный.

– Уведите его.

– До скорой встречи, господин офицер!

Глава 5

...Жизнь прекрасна только во младенчестве. Во всех ее проявлениях. Здесь есть все, что нужно. Нет ни забот, ни печалей, ни тревожных дум. Кто-то справляется, кто-то нет. Мир оказался слаб, и не вынес тяжести взрослой жизни. Каждый день его ум искал чего-то такого, чего сам не мог объяснить, и не находил. Удивительный парадокс: искал что-то, чего не знал сам. И, конечно же, не находил этого! С ним часто происходило что-то вроде открытия. Он открывал что-то новое для себя, хотя, порой, это были прописные истины. Но даже не это главное. Он не вынес слабого удара судьбы, и решил круто изменить свою жизнь.

Шел последний год его обучения. Густав приехал в свой институт, чтобы получить последний зачет. Подниматься следовало очень высоко, и он остановился в холле подождать лифт.

Двери лифта задержались в конвульсиях, но снова не распахнулись. Желания подняться наверх пешком не возникало, и оставалось с упорностью осла дожидаться кабины с раздвигающимися дверями. За окном, на улице, сияло солнце, небо было безбрежно – голубым, и чем-то напоминало море; снег сходил, в жизнь, походкой хитрой кошки, постепенно вплеталась весна, а здесь, в безликой постройке из бетона и кирпича, было неуютно и его не покидало чувство некой

законсервированности.

Лифт все не шел. Рядом была лестница, но идти по ней не хотелось. По лестнице пробежали люди, полные суетливой сосредоточенности. Они напоминали гоночные болиды, вместо имен и фамилий на их бейджиках хотелось поставить порядковые номера, настолько они были похожи на кого угодно, только не на людей, а, в лучшем случае, на зомбированных особей.

– Господи! Всемогущий Господь! Куда я попал? Зачем я здесь? Еще этот лифт... опять не идет, – снова вернулся он своими мыслями к коробке, которая бежит по шахте. Мысли, в отличие от лифта, проносились со скоростью звука.

Капель с музыкой бьющегося хрусталя срывалась с крыши; серо-черные вороны прыгали по асфальту и, кривляясь, отвратительно каркали. Голые ветки деревьев под действием слабенького ветерка сбрасывали остатки липкого снега, а солнце просыпалось, наливаясь все сильнее день за днем. Еще чуть-чуть, оно растопит снега, и веселые ручьи побегут по проталинам, ниспадая водопадами в выбоинах московских дорог.

Лифт не шел. Хоть было и нестерпимо лень, он решил подняться по лестнице. Лестница выходила своими пролетами на окна, которые были мутными от засохшей грязи, но даже сквозь них просвечивалось безбрежное небо и величественное солнце. Совершенно забыв, зачем он пришел сюда и зачем простоял несколько минут в ожидании лифта,

та, Густав вприпрыжку спустился вниз, толкнул ногой стеклянную дверь, хлопнув ею на прощанье. Достав из кармана ключи, Густав отстегнул свой велосипед от металлической решетки, сел на него и, маневрируя между припаркованными машинами, сквозь дворы поехал. Куда? Сказать он этого не мог, так как не знал... пошел дождь, ниспадая виноградными гроздьями прямо на его непокрытую голову, за спиной оставалась постройка из бетона и кирпича, по которой бегал тихходный лифт; но вдруг он понял, что не в лифте дело! То здание, в которое он пришел, и было лифтом, а люди, бегущие по нему – его составные – шестеренки.

Брызги разлетались из-под колес велосипеда, снег таял на глазах...

Непонятно как, но это событие развернуло его вспять, и Амир вдруг понял, что надо что-то менять. И что он ненавидит людей. Не всех, но многих.

Глава 6

Москва, 2008 год. Прошло почти двадцать лет, как он закончил институт, и покинул Москву. Наездами он бывал в ней, но не надолго. Приезжал по делам, которые периодически встречались у него в столице России. Сам он обосновался на Кубе: уж больно та напоминала ему Советский Союз, который, в принципе, ему даже нравился.

Ему нравились лозунги, развешанные в Гаване, напоминавшие о минувшей революции: «Революция – это скромность». «Это – дисциплина». «Это – постоянная борьба». Идея революционной деятельности ему вообще нравилась, вот только понимал он ее по своему, извращенно. Когда в его голове начиналась песчаная буря, или ураган, или торнадо – называйте это как хотите, он просил своего соседа, счастливого владельца Лады тридцатилетней выдержки, чтобы тот отвез его в аэропорт. По дороге они, конечно же, подсаживали людей, так как любой человек, владеющий автомобилем, обязательно должен был подвезти любого желающего. Это – закон революции. Неповиновение – не предусмотрено.

В этот раз, сидя в самолете, он еще отчетливо не знал, что будет делать в Москве. Планов на этот счет у него не было. Когда милостивая стюардесса попросила всех пристегнуть ремни, представила пилотов самолета и, рассказав, на какой высоте будет проходить полет, Густав, закрыв глаза, предста-

вил такую картину: белоснежная металлическая птица, искрясь и сияя на солнце, разрезая своими могучими стальными крыльями облака, вдруг резко изменив курс, накренилась вниз. Резкое ускорение, минуты свободного полета, удар об землю – непосредственная доставка в огненный ад.

– Хочу в ад.

– Простите? – спросил сосед.

– Ничего. Я просто сказал, что хочу в ад. И причем как можно быстрее.

Пассажир недоверчиво приблизился к Густаву, понюхал его, но, не учуяв запаха алкоголя, с негодованием отвернулся к иллюминатору.

Густав сложил руки за головой, мечтательно посмотрел на потолок и прошептал:

– В ад!

Глава 7

Шереметьево – как с ним много связано, перелеты из различных стран в Столицу Его Молодости... Густав прыгающей походкой вышел на улицу, багажа у него не было, если не брать в расчет небольшую сумку, которая была перекинута через плечо.

– Такси? – подскочил молодой парень к нему.

– Подожди, – практически без акцента ответил ему Густав. – Подожди чуть-чуть.

Он достал из кармана модный iPhone, погладил сенсорный дисплей, выцепил из телефонной книги нужный номер, набрал:

– Але, Миша? Это Густав. Я в Москве, дружище. Ага. Ну конечно. Ты сегодня до скольких? Понятно. А завтра с утра прямо на работу? М-да... А я не надолго приехал... Заскакивать? Да ну, не удобно... Все равно еще не женился? Ну тогда, по холостяцки... Да. Хорошо, буду ждать тебя у подъезда.

Он спрятал телефон в карман, повернулся к таксисту:

– Ну, где ваш драндулет? Пойдемте.

– Вон, за углом, – весело воскликнул молодой таксист. –

Вы, верно, иностранец?

– С чего вы взяли?

– Хоть у вас и нет акцента, но вот что-то есть в вас, про-

стите, нерусское.

– Вы нацизмом, случаем, не страдаете?

– Нет, с чего вы взяли?

– Просто. Если бы вы, молодой человек, жили в другое время, совсем еще недавнее, я бы вам сказал словами Феликса Дзержинского: «То, что у Вас пока нет судимости, не Ваша заслуга, а наша недоработка».

Парень засопел, открыл машину, жестом пригласил садиться, сказал:

– Называйте адрес.

– Мосфильмовская, 13.

Мотор глухо заурчал, перед капотом мелькнула швабра шлагбаума, и желтая Волга выехала с территории Аэропорта.

– Да, молодой человек, по дороге заедем в какой-нибудь магазин. Седьмой Континент, или что-нибудь в этом духе.

– Как будет угодно. Время простоя оплачивается также, как если я еду.

– Ну, разумеется. Будьте спокойны, и счастливы.

– Я счастлив.

– Да? А что вам надо для счастья?

– Денег.

– И много?

– Чтобы купить квартиру, дачу и собственную машину.

– Низменное у вас устройство, молодой человек. Как сказал тот же Феликс Эдмундович, «Счастье – это не жизнь без забот и печалей, счастье – это состояние души».

– Что вы тут всё умничаете?

– Не умничаю я. Вы просто не умеете слушать. Вот, включите радио. – Густав потянулся рукой к магнитоле, повернул ручку. Заиграло:

– Empty spaces, what are we living for?

Густав приглушил магнитолау.

– Слышали?

– Что? – не понял водитель.

– Empty spaces, what are we living for? Песня Queen. Английский знаете?

– В школе проходил.

– Ну, так переведите.

– Зачем? Я слушаю музыку. Зачем мне слова?

– Вот. Поэтому вы всегда и будете неудачником. Вы низменный человек, пресмыкающееся. Фреди Меркьюри поет: «Пустота, зачем мы живем?» А дальше: «Покинутые места, знаем ли мы какой ценой?». Нужно уметь слушать. И думать. И чувствовать. И желать. Чего-то такого, что не связано с банальным бытом.

– И чего же вы желаете? – Таксиста и злил, и в то же время веселил этот чудаковатый пассажир.

– Я? Я хочу в ад – гордо сказал Густав.

Таксист резко затормозил и дернул головой.

– Что, магазин? – поглядел в окно Густав.

– Нет... но скоро будет, – проблеял таксист.

– Так что же вы тормозите? Я не вижу здесь светофора.

– Давайте послушаем радио.

– Давайте.

– Если вы позволите, то радио Классик.

– Ага, потому что там все без слов? – с ехидцей заметил пассажир.

Несколько минут они не разговаривали. Таксист следил за дорогой, а Густав что-то бормотал, постукивая себя по коленке. Когда таксист прислушался, он обомлел: его пассажир напевал, со змеиной улыбкой: «О, ад. Нет места, прекрасней»...

– Кстати, как и заказывали, Седьмой Континент.

– О, благодарю вас. Счетчик включить не забыли? – Густав ухмыльнулся.

Он пробыл там не долго. Купил несколько бутылок водки, ящик пива, закуски да в аптеке шприцы на пять кубиков. На вопрос, какое ему нужно лекарство, Густав улыбнулся провизору и пробормотал:

– А оно, сударыня, и вовсе не понадобится...

Груженный пакетами, он вернулся в автомобиль.

– Ну, теперь поехали. Мосфильмовская, 13, вы помните?

– Да-да, я помню.

– Поговорим?

Парень пожал плечами.

– Не бойтесь. Я свято следую принципам Артура Шопенгауэра. А он говорил, что «как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика, так и порицание и кри-

тика – когда они переходят меру справедливости»... говоря проще, я не буду вас больше учить. Включайте со спокойной совестью свое радио и слушайте песни без слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.